

Глава 41. Воспитание одной рукой

Ни у кого не возникло сомнений: Чи Хань не шутил. В его светло-янтарных глазах вспыхнуло холодное раздражение, словно на руках он держал не собственного сына, а какой-то ненужный хлам, который собирался выкинуть.

Малыш, издав влажное «чмок», кажется, только сейчас осознал, что совершил ошибку. Обычные дети в таком возрасте видят мир лишь в размытых пятнах, но отпрыск Альфы высшего уровня был не из рядовых. Еще в зачаточном состоянии он научился бороться за жизнь, и сейчас его инстинкт самосохранения взлетел до небес. Сглотнув слюну, он пару раз причмокнул губами и, широко раскрыв глаза, попытался улыбнуться отцу. Но, увидев, что тот не поддался на провокацию, мгновенно сменил тактику: уголки рта поползли вниз, а глазки подозрительно покраснели.

На ледяном лице Чи Ханя появилась едва заметная трещина.

Старейшина Чи, внимательно наблюдавший за этой сценой, поспешно вмешался:

— Не давай ему плакать! Он еще слишком мал, это вредно для глаз и может сорвать голос!

Слова деда были чистой воды выдумкой, но в борьбе с Чи Ханем требовались особые методы. Сверток на руках был легким и мягким, словно комочек ваты; Альфа всерьез опасался повредить его, ведь Цинь Вэнь точно не спустит ему это с рук. Мужчина бережнее перехватил младенца и, ведомый врожденным чутьем, начал легонько похлопывать его по спине. Аромат снежного кедра невольно наполнил комнату — малыш полюбил этот запах еще в утробе и тут же, пуская пузыри, весело заагукал.

— Глупый, — Чи Хань сузил глаза, но напряжение в его плечах исчезло.

Сцена выглядела комично. Цинь Вэнь переглянулся со старейшиной, и остатки его недопомогания словно рукой сняло. Он рассмеялся так, что его плечи мелко задрожали.

Поскольку ребенок родился недоношенным, почти на полтора месяца раньше срока, врачи опасались осложнений. Малыша приносили родителям лишь на пару часов в день, остальное время он проводил в инкубаторе. Его должны были выписать только тогда, когда все показатели окончательно придут в норму. Для Цинь Вэня это было даже кстати — он мог спокойно восстанавливаться, не разрываясь между собственным здоровьем и заботой о первенце.

— Я проверил детскую смесь, которую купил Сунь Кайнин. Всё в порядке, — произнес Чи Хань, осторожно приподнимая мужа.

Заметив на белоснежной простыне темное пятно крови, омега в смущении спрятал лицо на груди супруга. Тот же не проявил ни капли брезгливости. Он отнес Цинь Вэнь в ванную, помог ему помыться и переодеться, а затем пересадил на диван, заботливо укутав в плед. Вернувшись к кровати, Альфа в считанные мгновения перестелил белье. Его движения были настолько ловкими и естественными, что, без преувеличения, Чи Ханя с руками оторвали бы в любом пятизвездочном отеле.

Цинь Вэнь, прихлебывая чай с финиками, не сводил с него глаз:

— Как долго ты... тренировался в этом?

— Неужели ты думаешь, что для подобных вещей нужны тренировки? — вопросом на вопрос ответил Чи Хань.

Цинь Вэнь: «...»

Превосходство Альфы высшего уровня проявлялось решительно во всём.

В первые дни восстановление шло тяжело: каждый шаг отдавался болью в месте шва, и Цинь Вэнь таял на глазах. Чи Хань сохранял внешнее спокойствие, но за закрытыми дверями буквально изводил старого врача расспросами. Доктор и представить не мог, что этот немногословный, властный человек может быть настолько нудным. Хуже всего было то, что Альфа задавал вопросы с самым невозмутимым видом. Честно говоря, у старика-врача уже начинала болеть голова при одном его виде:

— Потеря веса — это нормально. Просто нужно усиленное питание. Если дома некому готовить, в больнице есть специальное меню.

В итоге господин Чи ушел, прихватив с собой подробный план питания для омег в послеродовой период.

На следующий день, во время обеденного обхода, шестидесятилетний врач, измотанный напряженным утром, едва не лишился чувств от аппетитного аромата, едва переступив порог палаты. На столе красовалось множество блюд: идеальный баланс мяса и овощей, приготовленных на пару.

— Ого, — доктор невольно потянул носом воздух. — Обедаете? У повара господина Чи золотые руки.

Цинь Вэнь улыбнулся:

— У нас нет повара. Это приготовил Чи Хань.

Врач в изумлении воззрится на Альфу, который одной рукой мастерски менял постель, а другой — придерживал бутылочку с молоком у рта младенца:

— Вы и это умеете?

— Разве это сложно? — ответил тот в своей неизменной манере.

Доктор почувствовал, как аппетит пропал, уступив место легкому раздражению от такого всезнайства.

С ребенком всё было в порядке. Несмотря на некоторую сонливость, свойственную недоношенным детям, тесты подтвердили: он абсолютно здоров.

И пока все другие молодые Альфы в отделении пребывали в состоянии перманентного хаоса, Чи Хань справлялся с поразительной легкостью. К примеру, в обычных палатах этажом ниже родители, чей период первой эйфории быстро сменился суровыми буднями, сходили с ума от того, что младенцы просыпались минимум пять раз за ночь. На втором этаже один несчастный Альфа, ставший отцом двойни, и вовсе не смыкал глаз. Его омега из-за недосыпа был на грани нервного срыва и постоянно кричал. Накануне медсестры даже видели, как бедняга втихомолку вытирал слезы в умывальной. Чи Ханя же подобные проблемы не касались — его сын явно проигрывал отцу в плане выносливости.

Стоило малышу пошевелиться во сне, как Альфа тут же подсовывал ему соску или бутылочку с идеально подогретой смесью. Он умудрялся менять подгузники еще до того, как ребенок успевал окончательно проснуться и подать голос, ничуть не тревожа сон Цинь Вэня. Чи Хань по-прежнему делал вид, что недолюбливает этого «негодника», но порой, глядя на его спящую мордашку, он ощущал, как что-то внутри него болезненно смягчается.

«Ладно, пусть живет. — Чи Хань мысленно вздохнул. — Если с ним что-нибудь случится, Цинь Вэнь меня живьем закопает»

Однажды врач и медсестра зашли в палату и застали Альфу за сменой подгузника: движения его были отточенными и плавными, он даже успевал эффектно крутить бутылочку в пальцах, словно заправский бармен. Ребенок при этом даже не пискнул. Молоденькая медсестра только открыла рот, чтобы восхититься мастерством, как красивый мужчина, глядя на собственного сына, холодно усмехнулся:

— И это всё, на что ты способен?

Присутствующие: «...»

Цинь Вэнь мог лишь смиренно вздохнуть.

Когда состояние Цинь Вэня миновало критическую отметку, начался процесс быстрого восстановления. Питательные обеды наконец дали результат. Увидев это, Альфа впервые за несколько месяцев позволил себе улыбку и начал еще изощреннее подбирать меню, стремясь накормить своего омегу получше.

— Давай еще тарелочку бульона. Я томил кости четыре часа, тебе нужно... — Чи Хань не договорил: Цинь Вэнь перехватил его запястье и с мученическим видом покачал головой.

— Я правда больше не могу.

Миска риса, порция куриного супа и несколько закусок — вполне приличная норма для взрослого мужчины, но муж был неумолим:

— Всего одну тарелку.

Цинь Вэнь не хотел обижать его отказом; раньше он и мечтать не смел, что Чи Хань будет так о нем заботиться.

— Половину сейчас, остальное — вечером.

Но вечером на столе неизменно оказывались свежайшие деликатесы. Спустя месяц такой заботы к омеге вернулся здоровый румянец. Без тяжелого живота он чувствовал себя окрыленным. В день выписки стояла изнуряющая летняя жара. Цинь Вэнь, облаченный в белую футболку и бежевые чиносы, выглядел так же безупречно и статно, как и прежде. Пусть он не был «милым и хрупким» в привычном понимании, для Чи Ханя он оставался единственным и неповторимым.

Разумеется, ребенка они забирали с собой.

Старейшина наконец определился с именем: Чи Шэ. «Шэ» означало «преодолевать путь», неустанно стремиться вперед, не теряя своей цели. Домашним именем стало Таосу — «персиковое печенье», потому что в какой-то период беременности Цинь Вэнь только его и ел.

Слава богу, не «Мелкий паршивец» и не «Негодник».

Чи Хань по-прежнему не давал Цинь Вэню лишнего повода для беспокойства, в любой ситуации мастерски управляясь с Таосу одной рукой.

— Старший брат, бери завтра невестку и выбирайтесь к нам развлечься! — раздалось из трубки.

Альфа как раз кормил сына, когда позвонил Сунь Кайнин. На фоне слышались какие-то дикие вопли и шум. Чи Хань уже собирался сухо отказать, когда почувствовал, как Цинь Вэнь обнял его со спины. После рождения ребенка тот стал куда смелее. Если говорить точнее, признание и забота Альфы об Омеге пробуждают в последнем заложенную в костях зависимость и кокетливую мягкость. Стоило Цинь Вэню проявить ласку, как Чи Хань окончательно терял голову.

Мужчина обернулся, его взгляд потемнел от желания, способного поглотить Цинь Вэня целиком. Чи Хань слегка откашлялся, пытаясь вернуть голосу твердость, и спросил, не убирая трубку:

— Хочешь поехать?

Цинь Вэнь положил голову на плечо мужа и, игнорируя сгустившееся в воздухе опасное влечение, кивнул. Он провел в больничных стенах почти четыре месяца, большую часть из которых — в постели. У него не было особого настроения для шумных игр, но жажда свободы перевешивала всё остальное.

Сунь Кайнин, уловив по тону Чи Ханя перемену, завопил в трубку:

— Невестка, приезжай! Я специально для тебя сигану в воду!

— Довольно, — оборвал его Альфа. — Скинь адрес. Завтра приедем, Цинь Вэню нужно проветриться. И я знаю твою любовь к шумным сборищам: пусть будут только свои. Не смей тащить всякий сброд ко мне.

— Заметано! — радостно выкрикнул Сунь Кайнин и повесил трубку.

Таосу еще не допил свою порцию, но Чи Хань уже начал проявлять нетерпение. Он слегка встряхнул бутылочку:

— Ты не можешь сосать побыстрее?

Цинь Вэнь со вздохом попытался забрать ребенка, но муж мягко отстранил его руку.

— Если мы уедем завтра, с кем останется малыш?

Чи Хань на секунду задумался:

— Попрошу Бай Тана отвезти его в старый особняк. Там полно людей, дед присмотрит. Заберем вечером, а если задержимся — переночуем там же.

Цинь Вэнь всё ещё сомневался:

— Но слуги в особняке...

— Дедушка сменил всех до единого, — перебил его Чи Хань, понимая, о чем тот беспокоится. После того случая на юбилее старейшины, когда прислуга посмела выказать неуважение к Цинь Вэню, Альфа обрушил на них свои феромоны, и весть об этом дошла до главы семьи. Тот без колебаний заменил персонал на людей надежных и не склонных к интригам.

Цинь Вэнь усвоенно кивнул. Внезапно Чи Хань наклонился ближе, их дыхание переплелось. После всех испытаний их связь стала почти осязаемой. Мужчина нежно коснулся губ омеги, его сдерживаемое желание начало вскипать, словно лава, температура в комнате, казалось, подскочила. Но стоило его руке лечь на талию Цинь Вэня, как Таосу зашелся в крике.

Омега мгновенно отстранился и, с нескрываемым обожанием подхватив сына на руки, поспешил в гостиную. Ко всему прочему, за его ногами увязался «белый комочек шерсти» — сущность его феромонов. Чи Хань глубоко вздохнул и впервые в жизни выразительно закатил глаза.

«Если я и совершил какое-то преступление в прошлой жизни, то пусть меня судит закон, а не эта парочка — младенец и сущность феромонов»

На следующее утро за ребенком приехал Бай Тан, упакованный по полной программе. Он принял Таосу с таким видом, будто ему доверили судьбу мира. Цинь Вэнь еще спал и проснулся лишь к десяти часам. Из родового поместья отзвонились: малыш доставлен в целости и сохранности. После завтрака Чи Хань повез мужа к месту встречи.

Ферма

Огромная ферма встретила их буйством зелени. Это было время, когда природа была в самом соку: сочная трава расстилалась ковром до самого подножия гор. Идеальное место для отдыха.

Сунь Кайнин гарцевал на лошади, а следом за ним ехал Сюй Янчэн.

Юноша явно нервничал и слишком сильно сжимал поводья, отчего лошадь упрямылась и крутила головой. Молодой господин Сунь, не выдержав этого зрелища, наступил на спину своей лошади и перепрыгнул в седло позади Сюй Янчэна. Он практически полностью заключил его в свои объятия и, со смехом пожурился за неловкость, начал учить его верховой езде.

Будь на месте Сюя кто-то другой, у Кайнина не хватило бы терпения и на пять минут.

Цинь Вэнь почувствовал неладное. Нахмурившись, он вполголоса спросил Чи Ханя:

— Тебе не кажется, что господин Сунь и господин Сюй ведут себя... слишком интимно?

— Можешь звать их просто по именам, — Чи Хань давно заметил перемены, но не придавал им значения. — Они с детства такие.

— Эй! Приехали! — проорал Сунь Кайнин и направил лошадь к ним. Остановившись, он кивнул в сторону деревянной виллы неподалеку. — Идемте, обед уже накрыт.

Сюй Янчэн поймал взгляд Цинь Вэня, и его сердце на миг пропустило удар.

Казалось, все вокруг уже всё поняли. Все, кроме самого Кайнина.

Интерьер виллы был выдержан в изысканном пасторальном стиле.

— Ты выкупил это место? — между делом спросил Чи Хань.

— Нет, мы здесь только до вечера. Ужинать поедем на барбекю, — Сунь Кайнин был верен своему принципу: отдых должен быть насыщенным.

В этот момент со стороны лестницы спустилась группа людей. Чи Хань лишь мазнул по ним безразличным взглядом, но один человек из той компании внезапно переменялся в лице. Проницательный Цинь Вэнь мгновенно это зафиксировал. Незнакомец явно был омегой.

— Ты его знаешь? — тихо спросил он мужа.

— Видел где-то, но не припомню, — Чи Хань почти не соврал.

На самом деле Сунь Кайнин присутствовал при нескольких допросах Чи Ханя и сразу узнал в этом человеке омегу из следственной группы, которая занималась делами высокоранговых Альф; он был одним из ключевых сотрудников этой организации.

— Вот же пакость встретить его здесь! — пробурчал Сунь Кайнин.

Чжоу Лу, видя полное равнодушие Чи Ханя, сначала вспыхнул от гнева, а затем, издав пренебрежительный смешок, перевел взгляд на Цинь Вэня. Если бы он удосужился навести справки, то узнал бы: Цинь Вэнь в деловых кругах опасались вовсе не из-за его статуса омеги, а из-за его феноменальной проницательности и стальной психологической выдержки. Пока нож

в его сердце не вонзал сам Чи Хань, этот человек оставался практически неуязвимым для любых атак.

<http://bllate.org/book/15356/1427220>